

оборудование учреждений связи (Российский государственный архив экономики, ф. 3527, оп. 2, д. 218, л. 18 об.; АЦМС им. А. С. Попова, ф. Телегр., оп. 1, д. 1232, л. 2, 3; д. 1246, л. 53).

⁴³ См.: *Нарский И.* Жизнь в катастрофе. С. 75.

⁴⁴ См.: *Попов Н. Н., Бугров Д. В.* Время упущенных возможностей. С. 122.

⁴⁵ См.: *Обухов Л.* Советы Урала в 1917 г. С. 70.

⁴⁶ ГАРФ, ф. 5489, оп. 1, д. 19, л. 41.

⁴⁷ Там же, л. 42.

⁴⁸ Там же, л. 26, 27.

⁴⁹ ГАРФ, ф. 6871, д. 110, л. 6 об.

А. В. Антошин

**ЧЕРЕЗ «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС»:
КОНТАКТЫ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
С ГРАЖДАНАМИ СССР В СЕРЕДИНЕ
1940-х — СЕРЕДИНЕ 1960-х ГОДОВ**

Одной из наиболее интересных проблем в истории российской диаспоры являются связи ее представителей с советскими людьми, общение соотечественников, разделенных «железным занавесом». У большинства эмигрантов в СССР оставались родственники, друзья, коллеги. Вопрос об интенсивности связей представителей зарубежной России с гражданами СССР после Второй мировой войны, еще не получивший достаточного освещения в историографии, тесно сопрягается с проблемой сотрудничества эмиграции и СССР, так как показывает, что не только антикоммунистические настроения определяли позицию эмигрантов в этот период.

Как известно, в 1920-е годы зарубежная Россия еще не была полностью изолирована от советских людей. Феномен русского Берлина первой половины 1920-х годов является наиболее ярким свидетельством тесных контактов между деятелями культуры СССР и российского зарубежья. Однако анализ источников свидетельствует, что во второй половине 1920-х — 1930-е годы руководство СССР постепенно ограничивает возможности для общения своих граждан с зарубежными соотечественниками. Как отмечала Н. Н. Берберова, она почувствовала серьезные ограничения уже в 1927 году, когда советское посольство во Франции запретило общение с ней и ее мужем, В. Ф. Ходасевичем, приехавшей в Париж их старой знакомой известной советской поэтессе О. Д. Форш. Одновременно В. Ф. Ходасевич перестал получать из СССР деньги за свой перевод пьесы П. Мериме, которая в те годы ставилась советскими театрами. Вместе с тем та же Н. Н. Берберова отмечала, что некоторые художники-эмигранты из числа подобных Д. Д. Бурлюку левых интеллиген-

тов до середины 1930-х годов возобновляли свои советские паспорта и «доверчиво ждали, когда можно будет вернуться в Москву... Вплоть до 1936 года — до самых московских процессов — у них были надежды, что в стране, сделавшей величайшую в мире революцию, левое искусство наконец будет официально признано»¹.

Именно середина 1930-х годов стала тем рубежом, после которого все контакты эмигрантов с советскими людьми стали чрезвычайно затруднены. Важнейшей причиной этого было постепенное завершение эволюции политического режима в Советском Союзе в направлении формирования тоталитаризма. Не случайно известная балерина российского зарубежья Н. А. Тихонова — дочь советского писателя А. Н. Тихонова — указывала, что последнее письмо от отца пришло к ней из СССР в 1936 году, после чего для советских людей «контакт с зарубежьем сделался преступлением»². Источники показывают: эмигранты осознавали, что их письма в СССР могут быть использованы советскими спецслужбами в качестве компрометирующего материала и явиться основанием для ареста близких, поэтому сами избегали поддерживать контакты с советскими людьми. Так, одна из эмигранток второй после-революционной волны отмечала, что не переписывалась с оставшимися в СССР родными, пока был жив И. В. Сталин, так как «письмо могло принести тюрьму или смерть для получившего его»³.

Вместе с тем следует отметить, что в архивах нами обнаружены источники, свидетельствующие о том, что во второй половине 1940-х годов отдельные просоветски настроенные эмигранты имели возможность вести переписку с гражданами СССР. Так, в 1947 году возобновилась прерванная в середине 1930-х годов переписка соратников В. В. Маяковского по российскому футуризму Д. Д. Бурлюка и В. В. Каменского, друживших еще с дореволюционных времен. В архивном фонде известного советского поэта В. В. Каменского, хранящемся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), присутствует большой комплекс его переписки с Д. Д. Бурлюком в 1920-е — середине 1930-х годов. Следующее письмо в деле датировано 1947 годом. О том, что причиной этого является не плохая степень сохранности документов фонда, а отсутствие в течение длительного времени переписки между двумя футуристами, свидетельствует содержание первого письма за 1947 год, в котором Д. Д. Бурлюк рассказывает другу обо всем, что произошло с ним за предыдущие десять лет, отмечая: «О тебе я запросил у Хрущевой, ибо найти старые адреса очень трудно»⁴. Таким образом, можно сделать вывод, что только в первые послевоенные годы появилась возможность для возобновления переписки между ними. Возможно, это связано с той ролью, которую сыграла левая интеллигенция США, к которой относился Д. Д. Бурлюк, в том, что в общественном сознании Америки постепенно формировался позитивный образ СССР как партнера по антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем анализ документов фонда В. В. Каменского показывает, что после возобновления переписки с Д. Д. Бурлюком она все же не достигла той

степени интенсивности, что в 1920-е годы. Очевидно, здесь сыграл свою роль длительный перерыв в общении старых друзей, уже много лет не встречавшихся между собой, а также, возможно, то, что сохранялась определенная опасность для В. В. Каменского использования этой переписки советскими спецслужбами в своих целях. Характерно, что Д. Д. Бурлюк в письмах стремился продемонстрировать симпатии к СССР, доказать свою непричастность к лагерю антикоммунистической эмиграции. Называя СССР «страной Великого Сталина», он заявлял: «всегда принадлежал и принадлежу к левому крылу американской интеллигенции... много писал стихов в честь Родины, во славу СССР»⁵. На наш взгляд, Д. Д. Бурлюк был искренен в этих оценках, однако одновременно они служили обоснованием допустимости связей с ним для советского гражданина, каким являлся В. В. Каменский.

В конце 1940-х годов Д. Д. Бурлюк переписывался и с другим своим соратником по «кругу Маяковского», Н. Н. Асеевым, через которого поддерживал связь и с А. Е. Крученых⁶. Очевидно, он был одним из немногих видных эмигрантов, с которыми еще в последнее сталинское десятилетие было возможно контактировать советским людям. Д. Д. Бурлюк поддерживал контакты и с дипломатическими представителями СССР: в 1947 году советский посол в Мексике даже устроил в честь друга В. В. Маяковского небольшой прием, на котором, по словам художника, «был очень любезен»⁷. На наш взгляд, именно положение ближайшего соратника В. В. Маяковского делало Д. Д. Бурлюка особой фигурой для руководства СССР и расширяло возможности для сотрудничества с ним советских граждан.

Те представители российской диаспоры, которые пытались в первые послевоенные годы установить контакты с коллегами из СССР, наладить обмен научной литературой, испытывали значительные сложности. Особенно это касается отраслей знания, которые были связаны с идеологией. Так, известный философ российского зарубежья И. И. Лапшин вынужден был обратиться к литературоведу В. Ф. Булгакову, вскоре вернувшемуся в СССР и имевшему связи с дипломатическими представителями Советского Союза, с просьбой помочь ему в этом вопросе. Последний написал И. И. Лапшину в 1948 году: «По наведенным мною справкам, книги в Советский Союз посылать можно. Трудно сказать, почему Ваши книги не дошли... Впрочем, я обратился по Вашему делу к секретарю советского посольства... очень милому, образованному человеку, и спросил, не может ли посольство переслать Ваши книги в Москву. Ответ получился положительный»⁸. Однако каков же был итог попытки философа наладить связи с СССР, установить не удалось.

«Железный занавес», существовавший между СССР и зарубежьем, препятствовал не только установлению деловых контактов, но нередко лишал возможности общаться с близкими родственниками. Этому способствовала позиция официальных представителей Советского Союза, не поощрявших такие связи. Данная ситуация приводила к трагическим случаям. Уже упомянутая Н. А. Тихонова отмечала, что сразу после войны ее отец, А. Н. Тихо-

нов, попытался в Париже выяснить судьбу ее и ее матери, но «ответ был, что... мы уехали в Америку! Зачем это было нужно? Кто был так жесток? Об Америке мы и не помышляли». И лишь в 1953 году, когда «начали налаживаться контакты с СССР», она смогла выяснить адрес и телефон отца. Однако А. Н. Тихонов был уже парализован и не мог говорить⁹.

Смерть И. В. Сталина в 1953 году и начало процесса десталинизации действительно привели к существенному расширению возможностей для эмиграции с СССР. Анализ архивных документов показывает увеличение переписки эмигрантов с советскими гражданами во второй половине 1950-х — 1960-е годы. Прежде всего это, естественно, касалось тех представителей диаспоры, которые симпатизировали Советскому Союзу. Значительно более интенсивными стали контакты с жителями СССР Д. Д. Бурлюка. Проведенное нами изучение фондов РГАЛИ показало, что среди его корреспондентов в это время были художник В. В. Мешков, писатели И. Г. Эренбург и Л. А. Кассиль, публицист Д. И. Заславский, литературовед М. Я. Аплетин, биограф В. Хлебникова Н. Л. Степанов и др.¹⁰ Продолжились и стали более активными контакты Д. Д. Бурлюка с его соратниками по российскому футуризму первой четверти XX века, в частности с А. Е. Крученых, который получал через своего американского друга книги по искусству, изданные на Западе¹¹. Наиболее тесной по-прежнему была связь Д. Д. Бурлюка с Н. Н. Асеевым, с помощью которого российский эмигрант пытался организовать издание в СССР сборника своих стихов. Однако препятствия этой акции в руководстве Союза писателей СССР в середине 1950-х годов были весьма велики, и Н. Н. Асеев вынужден был признать в письме к другу: «Я сделаю все, что в моих силах, для твоего издания, но сил-то очень немного!»¹².

Вместе с тем анализ переписки Д. Д. Бурлюка показывает, что годы эмиграции существенно уменьшили степень понимания и духовной близости между старыми соратниками по «кругу Маяковского». Д. Д. Бурлюк нередко отмечал, что его товарищи в СССР с трудом шли на контакт с ним. Очевидно, здесь играло роль его положение гражданина США, отношения с которыми продолжали оставаться напряженными и в 1950—1960-е годы. Важно и то, что Д. Д. Бурлюк продолжал открыто отстаивать свою приверженность идеям футуризма — направления, оппозиционного социалистическому реализму. В одном из писем он с горечью отмечал, что именно преследуемые в СССР футуристы «обслуживали» большевизм в 1917—1920 годах, когда «все старое искусство большевизма не приняло». А в итоге к середине 1950-х годов определяющими в советской литературе стали, по его выражению, идеи «помещика Самарской губернии А. Н. Толстого»¹³.

Давним желанием Д. Д. Бурлюка было совершить поездку на Родину. Это стало возможным в период «оттепели», когда развивается иностранный туризм в СССР. Однако Д. Д. Бурлюк стремился приехать в СССР «не по-буржуйски, а в качестве друга-учителя Маяковского». В письме к Н. Л. Степанову он указывал, что основным препятствием для такой поездки является имен-

но его приверженность футуризму, который «все еще служит темой и все еще ломают свои копья... для своей личной выгоды над героями былого»¹⁴. В 1956 году, во многом благодаря Л. Ю. Брик, поездка Д. Д. Бурлюка в СССР все-таки состоялась, в ходе нее прошли встречи эмигранта с Н. Н. Асеевым, К. И. Чуковским и другими старыми товарищами. Однако эта поездка показала, что Д. Д. Бурлюк и оставшиеся в СССР деятели культуры с трудом находили общий язык. Найденный нами в одном из архивных фондов дневник супруги футуриста, М. Н. Бурлюк, свидетельствует, что американских гостей раздражала идеализация Запада, характерная для советской интеллигенции. М. Н. Бурлюк отмечала, что в СССР все хотели «слушать наши рассказы об Америке». Некритично воспринималась большинством собеседников М. Н. и Д. Д. Бурлюков и столица Франции, образ которой был далек от реальности: «Только в Париже можно работать, там воздух, свет лучащийся, там улицы... Я слушаю и думаю о Париже — май, жара, пыль, раздраженные гарсоны»¹⁵.

После возвращения в США Д. Д. Бурлюк продолжал попытки укрепить контакты с друзьями и коллегами в СССР, однако анализ его переписки оставляет впечатление, что инициативы поэта далеко не всегда положительно воспринимались Н. Н. Асеевым, А. Е. Крученых и др. Складывается ощущение, что некоторые деятели советской культуры опасались связей с поэтом-эмигрантом. Кроме этого, важную роль играло и то, что воспоминания о совместной работе с В. В. Маяковским в годы революции и Гражданской войны все дальше уходили в прошлое. Эмиграция Д. Д. Бурлюка привела к тому, что он приобрел иной опыт, чем его друзья, его развитие как поэта и человека происходило в принципиально отличных от СССР условиях. Характерно письмо Н. Н. Асеева — самого близкого к Д. Д. Бурлюку из представителей советской интеллигенции времен «оттепели», — написанное в 1957 году: «Я не в обиде и не сержусь на то, что ты меня разучился видеть, как нимало не “задаюсь” и своим “поэтическим” профилем, не поднимаю нос кверху... Я помню и знаю многие твои стихи, но пойми, что судьбы у нас разные и краткая дружба во Владивостоке и Харбине и прошлым летом в Москве — это не целая твоя и не целая моя связанная неразрывной цепью жизнь. Тебе из твоего далека я показался уже не тем, чем был раньше, а я и раньше был не тем, чем тебе казался»¹⁶. Таким образом, факт эмиграции существенно затруднял контакты даже между теми деятелями культуры, которые в прошлом относились к одному идейному течению.

Вместе с тем следует отметить, что положение Д. Д. Бурлюка по-прежнему оставалось привилегированным по сравнению с положением многих других видных российских эмигрантов, так как руководство СССР допускало контакты с ним для советских граждан. Сам факт его поездки в СССР в 1956 году, широко освещавшийся советской прессой, отличал его от тех представителей русской диаспоры, которые не имели возможности посетить Родину. Так, старый друг Д. Д. Бурлюка эмигрант К. Безваль был глубоко разо-

чарован, узнав о том, что российский футурист был в Советском Союзе, не сообщив ему об этом предварительно, поскольку К. Безваль надеялся получить какую-либо информацию о своих родственниках. Обращаясь с просьбой к Д. Д. Бурлюку написать письмо их общему старому приятелю известному советскому писателю Б. Лавреневу, К. Безваль с горечью указывал: «Я остаюсь перед железным занавесом — стеной молчания»¹⁷.

Помимо Д. Д. Бурлюка достаточно интенсивно контактировал в 1950—1960-е годы с советской интеллигенцией еще один эмигрировавший в США соратник В. В. Маяковского — Р. О. Якобсон, ставший известным литературоведом. В 1956 году он принял участие в организационном заседании Международного комитета славистов в Москве, за что был подвергнут резкой критике со стороны антикоммунистической эмиграции, в частности, Г. П. Струве, В. В. Набоковым и др. Тем не менее Р. О. Якобсон продолжал сотрудничество с советскими коллегами, в частности с Н. Н. Асеевым¹⁸. Среди тех российских эмигрантов, которые имели достаточно тесные связи с друзьями и коллегами в СССР, был сын Ф. И. Шаляпина Ф. Ф. Шаляпин. Однако изучение источников показывает, что и он в 1930—1940-е годы был вынужден резко сократить общение с ними. Так, хранящееся в РГАЛИ архивное дело, содержащее переписку Ф. Ф. Шаляпина и советского театрального режиссера М. М. Коренева, имеет в своем составе большое количество писем за 1920-е годы, однако после 1930 года наступает длительный перерыв в переписке, и следующее письмо датировано 1959 годом¹⁹. Очевидно, часть писем могла не сохраниться, однако, по нашему мнению, общая тенденция прослеживается достаточно четко. Характерно и то, что в письме за 1960 год Ф. Ф. Шаляпин просил М. М. Коренева уточнить старые адреса знакомых в СССР, с которыми он не имел контактов в течение длительного времени²⁰. В 1959 году Ф. Ф. Шаляпин посетил СССР и был очень тронут оказанным ему приемом: «Родина — приехал домой. Можно менять свое подданство 100 раз, но все равно это остается делом бумажным, и из русского трудно сделать иностранца, хотя и казался всем заморским гостем»²¹. В начале 1960-х годов Ф. Ф. Шаляпину удалось восстановить утраченные связи с целым рядом старых знакомых в Советском Союзе, он перевез в Италию из Москвы свою мать, в 1960 году в гости к нему приезжал С. В. Михалков. О том, что многие препятствия для контактов зарубежья с советскими гражданами были к началу 1960-х годов сняты, свидетельствует письмо Ф. Ф. Шаляпина О. Б. Гальпериной и Е. Б. Анненковой, написанное в 1960 году, в котором указывалось: «Я собираюсь и в Москву и Вас буду ждать в Италию. Все возможно, все можно устроить. Теперь все проще, а будет совсем легко»²². Более частым поездкам в СССР Ф. Ф. Шаляпина, как и многих других эмигрантов, препятствовали, однако, финансовые проблемы. Значительная часть граждан СССР воспринимала представителей российской диаспоры как весьма состоятельных людей, но зачастую такие оценки были преувеличенными. Как отмечал Ф. Ф. Шаляпин: «Не так уж дешево ехать и жить в Москве на положении туриста. Если

приеду, то постараюсь так устроиться, чтобы жить в деревне, а не в гостинице “Националь”»²³.

Упомянутая выше Е. Б. Анненкова в 1960-е годы вела активную переписку со своим бывшим мужем, известным художником-эмигрантом Ю. П. Анненковым, с которым у нее остались хорошие отношения. Последний в годы «оттепели» не только смог восстановить связь со своими старыми знакомыми по России первой четверти XX века (например, с К. И. Чуковским), но познакомился и с молодым поколением советской интеллигенции, в частности, с приезжавшими в Париж А. Вознесенским и Б. Ахмадуллиной²⁴.

Те советские деятели культуры, которые имели возможность часто выезжать за рубеж, бесспорно, обладали более широкими связями в эмигрантской среде. Значительно сложнее было той части интеллигенции, для которой каждая поездка была редкой возможностью восстановить утраченные много лет назад контакты. Например, лишь чествование А. А. Ахматовой в Оксфорде в 1965 году позволило ей встретиться со своей старой знакомой по дореволюционному Петербургу С. Н. Андронниковой, эмигрировавшей в Великобританию²⁵. Вместе с тем Б. Л. Пастернак сам принимал в Переделкино известную авантюристку М. И. Закревскую-Будберг, которая когда-то была одной из самых близких к М. Горькому женщин²⁶. Впервые после долгого перерыва она приезжала в Советский Союз в 1956 году по приглашению Е. П. Пешковой, затем побывала на Родине еще несколько раз. По воспоминаниям бывшего посла СССР в Великобритании В. В. Карягина, «оформление визы каждый раз происходило “со скрипом”, но... Мария Игнатьевна всегда к поездке “неожиданно” находила какой-нибудь документ, “случайно” оставшийся “на память” о Горьком, это всякий раз решало вопрос в ее пользу»²⁷. Таким образом, если бы не желание учреждений культуры СССР получить документы одного из крупнейших советских писателей, М. И. Закревской, возможно, и не удалось бы приезжать в нашу страну в 1950—1960-е годы. При этом следует отметить, что она активно стремилась к контактам с советским посольством, постоянно встречалась с дипломатическими представителями СССР.

В среде российской диаспоры в 1940—1960-е годы выделялась группа лиц, интенсивно сотрудничавших с посольствами СССР в различных странах мира. Так, дом проживавшего в Италии художника Г. И. Шилтяна называли «русским островком» в «вечном городе», поскольку здесь часто происходили встречи с советскими деятелями культуры. Г. И. Шилтян был знаком с М. А. Шолоховым, Г. С. Улановой, С. Ф. Бондарчуком и др. В течение многих лет его связывала дружба с М. С. Шагинян²⁸. Посольство СССР в Великобритании также регулярно сотрудничало с рядом видных представителей российской диаспоры, в частности, с голливудским композитором Д. З. Темкиным, а также с Л. Б. Нахимовым — потомком известного адмирала. Последний оказывал значительную материальную помощь Нахимовскому училищу в Ленинграде, содействовал посольству в приобретении земельной собственности в Лондоне. Известно также, что Л. Б. Нахимова связывала давняя дружба с на-

чальником Главного архивного управления СССР Г. А. Беловым и заместителем министра иностранных дел И. Н. Земсковым. Он являлся одним из тех российских эмигрантов, которые наиболее активно шли на контакт с гражданами и организациями СССР, открыто демонстрировали свои симпатии нашей стране, не стремясь дистанцироваться от существовавшего политического режима.

Более сложными были взаимоотношения посольства СССР в Лондоне с проживавшими там сестрами Б. Л. Пастернака Л. Л. и Ж. Л. Пастернак. Как отмечал посол В. В. Карягин, они в 1960-е годы оказывали «самый прохладный» прием советским дипломатическим представителям, отказываясь с ними сотрудничать, помня об отношении к их брату официальных властей на Родине²⁹. Однако следует отметить, что и в данном случае негативное отношение к официальным властям СССР сочеталось у них с патриотическими настроениями, желанием сохранить российское культурное наследие. Не случайно в 1970 году сестры Б. Л. Пастернака бесплатно передали в СССР рисунки своего отца, художника Л. О. Пастернака. Заметим, что «осуждение» Б. Л. Пастернака в СССР было с возмущением воспринято и крупнейшими писателями российского зарубежья, которые внимательно следили за развитием литературного процесса в условиях коммунистического режима. Об этом свидетельствовала, в частности, переписка Б. К. Зайцева и Г. В. Адамовича³⁰.

Особой темой является, несомненно, взаимовлияние творчества советских и эмигрантских литераторов. Учитывая, что возможности для их непосредственного общения были ограничены, большое значение имело знакомство с произведениями коллег, живших по другую сторону «железного занавеса». Как известно, например, А. Т. Твардовский неоднократно указывал на то, что значительное влияние на его творчество оказал И. А. Бунин, который, в свою очередь, очень высоко ценил «Василия Теркина». Вместе с тем изучение переписки А. Т. Твардовского показывает, что советский поэт был далек от идеализации эмигрантской литературы. В 1967 году в одном из писем он, отмечая «завышенные оценки зарубежной русской литературы» в СССР, писал: «Думать, что эпигон Зайцев нечто подарил миру — нет, увольте». И даже И. А. Бунин, по его мнению, «очевидным образом увядал» в условиях эмиграции³¹.

Заметим, что у И. А. Бунина были очень сложные отношения с советскими издательствами. Известно, что в СССР неоднократно выпускались произведения классика русской литературы, однако сам он не получал за это никаких гонораров. И. А. Бунин выражал недовольство и тем, что советские издательства не интересовались его мнением по вопросу об отборе произведений для антологий и сборников сочинений. В письме к М. С. Цетлин в 1947 году он жаловался: в СССР «за все, что издавали из моих писаний столько раз, еще не заплатили мне ни копейки, хотя отлично знают — хотя бы через Симонова — в какой я нужде в моей старости и в моих болезнях»³².

В период хрущевской «оттепели» для тех эмигрантских деятелей науки и культуры, которые не имели антикоммунистических убеждений, расширились

возможности контактов с коллегами в Советском Союзе. Так, активную переписку с рядом советских музыкальных деятелей в конце 1950-х — начале 1960-х годов вел организатор балалаечного оркестра в Великобритании Н. А. Медведев, оказавшийся за границей в результате пленения в годы Первой мировой войны. В своих письмах и воспоминаниях он стремился подчеркнуть отрицательное отношение к белой эмиграции, симпатии к социалистическому обществу в СССР³³. Очевидно, это способствовало тому, что Н. А. Медведев в 1962 году получил разрешение посетить Москву. Только после смерти И. В. Сталина снова стала посещать Советский Союз после долгого перерыва и В. А. Трейл (дочь А. И. Гучкова), которая, как полагают многие исследователи, в 1930-е годы была связана с советскими спецслужбами³⁴.

Наряду с желанием эмигрантов посещать покинутую Родину, поддерживать связи с друзьями и родственниками в СССР существовало и стремление советских деятелей науки и культуры контактировать с коллегами из российского зарубежья. Многие эмигранты обладали ценными материалами по истории русской культуры в своих личных архивах, что привлекало внимание советских организаций и деятелей искусства, осуществлявших издательские проекты. Так, Н. П. Рославлева и Ю. О. Слонимский, готовившие в СССР сборник материалов к 150-летию М. И. Петипа, вели переписку с С. М. Лифарем, который выслал советским искусствоведам материалы о выдающемся балетмейстере, написал статью для книги. Откликнулся на просьбу организаторов данного проекта, хотя и менее активно, и Л. Ф. Мясин³⁵. В 1950-е годы крупнейший искусствовед российского зарубежья А. Н. Бенуа откликнулся на предложение о переписке с сотрудником Русского музея А. Н. Савиновым, с которым они ранее знакомы не были. Связь двух коллег была достаточно интенсивной, о чем свидетельствуют материалы РГАЛИ, заметна также и заинтересованность в таких контактах со стороны российского эмигранта³⁶. Активно сотрудничал в 1960-е годы с советскими искусствоведами и известный коллекционер-эмигрант Н. Д. Лобанов-Ростовский, который помогал своим коллегам в СССР получать вышедшие на Западе публикации по истории отечественной и мировой культуры³⁷. В это же время установил контакты с Ю. К. Терапиано известный советский литературовед Е. В. Витковский, специалист по творчеству В. Ф. Ходасевича, Г. В. Иванова и др. В своих письмах к поэту-эмигранту он стремился подчеркнуть популярность его творчества среди советской интеллигенции, заявляя: «Ваши стихи звучат буквально на всех наших литературных вечерах»³⁸.

Отметим, однако, что указанные выше эмигранты — деятели науки и культуры — работали в относительно слабо идеологизированных сферах (литературоведение, искусствоведение). Что же касается, например, исторической науки, то здесь контактировать коллегам, разделенным «железным занавесом», было значительно сложнее. В 1960-е годы тесные связи с зарубежными коллегами (А. В. Флоровским, П. А. Остроуховым, И. О. Панасом и др.) установил известный советский историк В. Т. Пашуто. Учитывая тесную связь совет-

ской исторической науки с официальной идеологией, закономерно, что он контактировал прежде всего с теми эмигрантами, которые симпатизировали СССР, а некоторые из них (например, специалист по русско-чешским связям А. В. Флоровский) после Второй мировой войны приняли советское гражданство³⁹. Сотрудничал с СССР в 1950—1960-е годы и известный экономист, лауреат Нобелевской премии В. Леонтьев, который часто приезжал на Родину, встречался с коллегами (например, с академиком В. С. Немчиновым). Но следует отметить, что и В. Леонтьев никогда не принадлежал к антикоммунистической части диаспоры, не случайно он покинул СССР достаточно поздно, уже в 1920-е годы.

Вместе с тем известны отдельные случаи, когда в условиях «оттепели» на контакт с деятелями науки и культуры СССР выходили и антикоммунистически настроенные историки-эмигранты. Так, в публикации за рубежом романа «Доктор Живаго» участвовал Г. М. Катков, который в 1956 году приезжал в Переделкино к Б. Л. Пастернаку, хотя и не решился в итоге на то, чтобы лично провезти через границу рукопись произведения⁴⁰.

Весьма редкими были случаи, когда представители культурной элиты российского зарубежья, критически настроенные по отношению к СССР, сами выходили на советских исследователей, предоставляя им свои материалы для научной работы. Так, анализ архивных документов показывает, что известная поэтесса Н. Н. Берберова в 1964 году по собственной инициативе пошла на контакт с советским литературоведом В. Н. Орловым, прочитав его книгу «Пути и судьбы», посвященную Серебряному веку в русской поэзии (несмотря на то, что они не были ранее знакомы). Книга, по словам поэтессы, произвела на нее настолько сильное впечатление, что она решила написать в СССР. Интенсивная переписка Н. Н. Берберовой и В. Н. Орлова продолжалась до 1973 года; последний оказывал большую помощь аспирантам Н. Н. Берберовой (она была профессором одного из университетов США), приезжавшим по программам научного обмена в СССР для работы в архивах в 1960-е годы. Н. Н. Берберова внимательно следила за литературными новинками в Советском Союзе, с одобрением воспринимая многие публикации в «толстых» журналах в 1960-е годы. В частности, она была в восторге от вышедшей в СССР книги стихов А. Белого, заметив в письме к В. Н. Орлову: «40 лет ждали мы этого и вот дожили»⁴¹. Публикации «Нового мира» и других журналов периода «оттепели» вызывали большой интерес у многих представителей культурной элиты российского зарубежья, которые особенно активно изучали материалы мемуарного характера и публицистику. Известно, например, что проживавшая в СССР С. Н. Мотовилова даже не отправляла письмо в Швейцарию своей подруге В. Н. Ульяновой, пока не вышел очередной номер «Нового мира»⁴².

Среди тех, кто шел на контакт с советскими гражданами и организациями, преобладали представители культурной элиты российского зарубежья, большинство из которых не противостояли с оружием в руках большевикам

в годы Гражданской войны. Их эмиграция была связана с отсутствием необходимых условий для творчества в Советской России, идеологическими расхождениями с большевизмом. Однако известны случаи, когда интерес к СССР проявляли и бывшие деятели Белого движения. Так, бывший поручик лейб-гвардии Измайловского полка Аничков в 1960-е годы познакомился в Институте чилийско-советской дружбы с приехавшими в Чили известными советскими литераторами — писателем С. С. Смирновым (автором романа «Брестская крепость») и поэтом М. Дудиным, с большим интересом расспрашивал их о ситуации на Родине⁴³. Патриотизм белого офицерства, корректировка коммунистическим руководством своего политического курса, по сравнению с периодом революции и Гражданской войны, способствовали тому, что в восприятии отдельных представителей Белого движения Советский Союз становился в определенном смысле преемником императорской России. Помимо этого, эмиграцию не могли не интересовать те процессы, которые протекали в нашей стране, изменения в жизни ее граждан. Однако необходимо отметить, что подобные контакты становились возможны только при условии встречного стремления со стороны советских граждан, для чего было необходимо, чтобы поведение последних не детерминировалось жестко лишь идеологическими установками. Так, на контакты с деятелями российской диаспоры в Чили (в частности, с А. А. Липшцем) шла известная советская писательница М. Алигер, воспоминания которой показывают, что нередко ее поведение обуславливалось интересом к судьбам зарубежных соотечественников, желанием им помочь. Например, она проявила сочувствие к испытывавшей материальные затруднения вдове белого генерала, проживавшей в Уругвае, вне зависимости от принадлежности ее мужа к лагерю противников большевиков в годы Гражданской войны⁴⁴.

Отмечая желание многих российских эмигрантов поддерживать контакты с покинутой ими Родиной, не следует, однако, и преувеличивать масштабы этого явления. Источники показывают, что далеко не все представители российской диаспоры стремились к подобным связям. Специалист по истории российской эмиграции в Югославии А. Б. Арсеньев указывал, что хотя после нормализации советско-югославских отношений и появилась возможность возобновить переписку с родственниками в СССР, однако нередко их поиски предпринимались эмигрантами «без достаточного эмоционального накала, особенно если в семье не все были русские»⁴⁵.

Вместе с тем, безусловно, играла свою роль и позиция властей СССР, которые препятствовали контактам своих граждан с политическими эмигрантами, так или иначе связанными с антикоммунистической частью диаспоры. Зная об этом, и сами жители Советского Союза нередко опасались таких связей, даже если речь шла об их родственниках. В архиве Международного института социальной истории нами обнаружено письмо Л. О. Дан к Н. Рубинштейн, написанное в 1957 году, в котором рассказывается об одном из таких случаев. Родственница лидера меньшевиков Р. Абрамовича Ю. Абрамович

попросила одну из своих подруг, отправлявшуюся в СССР по туристической визе, узнать о судьбе своей сестры. Однако когда эмигрантка позвонила сестре Ю. Абрамович, то та, «узнав по телефону, что Ф. Л. передает ей привет от Юлии, конечно, очень обрадовалась, но в такой же мере и испугалась. Разговор длился максимум 2 минуты... Ф. Л. говорила из автомата, стоял “хвост”, ей стучали в дверь, и Ф. Л. дала ей телефон своих родных и адрес, просила, чтобы сестра Юлии позвонила... Этого не произошло». Характеризуя этот случай, Л. О. Дан отмечала: «У меня, постороннего человека, это вызвало неприятные ощущения, значит — страх все пересиливает»⁴⁶. Заметим, что и в данном случае многое зависело от индивидуальных особенностей личности. При желании можно было предпринять попытку установить контакты и с деятелями эмигрантского меньшевизма. Известно, что в 1960 году проживавшая в СССР вдова видного меньшевика Б. Бэра написала письмо в США, которое активно обсуждалось членами редакции «Социалистического вестника»⁴⁷. А известная анархистка И. Лазаревич (И. Метт) в 1960-х годах вела переписку с В. Л. Лоботинским и Р. И. Солоухиным (Новосибирск)⁴⁸.

Анализ источников показывает, что в 1940—1960-е годы существовало немало препятствий для установления контактов между гражданами СССР и их родственниками и коллегами за границей. Среди них — не только позиция органов власти СССР, не поощрявших подобные контакты, но и материальные трудности, отсутствие желания общаться с прежними друзьями, формирование которых в течение многих лет продолжалось в иных условиях. Советские граждане нередко осознавали, что их старые товарищи уже получили иной жизненный опыт, могли существенно изменить и свои взгляды. Несмотря на достаточно большой комплекс источников, свидетельствующих о контактах представителей российского зарубежья с гражданами СССР, встречаются и данные иного рода. Некоторые эмигранты полностью теряли связи с близкими родственниками в Советском Союзе. Так, дочь певицы-эмигрантки О. П. Карасуловой М. И. Витвицкая, по ее словам, «не видела своей матери всю свою сознательную жизнь» и была очень рада, когда уже в условиях перестройки М. С. Горбачева газета «Советская культура» написала после долгого перерыва о ней статью⁴⁹. Этот факт показывает, что «железный занавес» и после смерти И. В. Сталина оставался весьма серьезным препятствием для контактов между соотечественниками.

¹ Берберова Н. Н. Курсив мой. М., 1999. С. 341.

² Тихонова Н. А. Девушка в синем. М., 1992. С. 174.

³ Polovchak W., Klose K. Freedom's child. N. Y., 1995. P. 47.

⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1497, оп. 1, д. 184, л. 33.

⁵ Там же, л. 32—33.

⁶ РГАЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 197, л. 1.

⁷ Там же.

- ⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 753, карт. 1, ед. хр. 19, л. 1.
- ⁹ Тихонова Н. А. Девушка в синем. С. 174.
- ¹⁰ РГАЛИ, ф. 2846, оп. дел, л. 32; ф. 1204, оп. дел, л. 189; ф. 2876, оп. дел, л. 11; ф. 3112, оп. 1, д. 65, л. 1—2; ф. 2619, оп. 1, д. 38, л. 1; ф. 2190, оп. 2, д. 86 а, л. 1.
- ¹¹ РГАЛИ, ф. 1334, оп. 1, д. 113, л. 2.
- ¹² ОР РГБ, ф. 372, карт. 10, ед. хр. 10, д. 11.
- ¹³ Там же, карт. 3, ед. хр. 5, л. 1—3.
- ¹⁴ РГАЛИ, ф. 3112, оп. 1, д. 65, л. 9.
- ¹⁵ ОР РГБ, ф. 372, карт. 10, ед. хр. 35, л. 4.
- ¹⁶ РГАЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 155, л. 4.
- ¹⁷ ОР РГБ, ф. 372, карт. 10, ед. хр. 15, л. 17.
- ¹⁸ РГАЛИ, ф. 28, оп. 1, д. 175, л. 1; Баран Х., Душечкина Е. В. Письма П. Г. Богатырева Р. О. Якобсону // Славяноведение. 1997. № 5. С. 70.
- ¹⁹ РГАЛИ, ф. 1476, оп. 1, д. 479, л. 64.
- ²⁰ Там же, л. 68.
- ²¹ РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, д. 479, л. 68.
- ²² РГАЛИ, ф. 2618, оп. 2, д. 50, л. 1.
- ²³ Там же, л. 11.
- ²⁴ РГАЛИ, ф. 2618, оп. 1, д. 16, л. 43, 48.
- ²⁵ См.: Казнина О. А. Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997. С. 241.
- ²⁶ См.: Там же. С. 160.
- ²⁷ Карягин В. В. Лондонские зарисовки // Междунар. жизнь. 1992. № 7—8. С. 132.
- ²⁸ См.: Паклин Н. А. Русские в Италии. М., 1990. С. 265.
- ²⁹ См.: Карягин В. В. Лондонские зарисовки. С. 101.
- ³⁰ ОР РГБ, ф. 754, карт. 5, ед. хр. 10, л. 2.
- ³¹ См.: Твардовский А. Т. Письма о литературе. М., 1985. С. 318.
- ³² ОР РГБ, ф. 429, карт. 4, ед. хр. 15, л. 6.
- ³³ РГАЛИ, ф. 2421, оп. 1, д. 5, л. 1—28; д. 7, л. 15.
- ³⁴ См.: Казнина О. А. Русские в Англии. С. 160.
- ³⁵ РГАЛИ, ф. 2966, оп. 1, д. 151, л. 1—2; д. 171, л. 1—4; д. 330, л. 1.
- ³⁶ РГАЛИ, ф. 938, оп. 2, д. 294, л. 1—67.
- ³⁷ РГАЛИ, ф. 2712, оп. 1, д. 18, л. 1.
- ³⁸ Рукописный отдел Центральной научной библиотеки Союза театральных деятелей Российской Федерации, ф. Ю. К. Терапиано, оп. 1, д. 13, л. 1.
- ³⁹ См.: Паиуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 14.
- ⁴⁰ См.: Переписка Бориса Пастернака с Элен Пельтье-Замойской // Знамя. 1997. № 1. С. 110.
- ⁴¹ РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, д. 83, л. 13.
- ⁴² ОР РГБ, ф. 786, карт. 1, ед. хр. 36, л. 108.
- ⁴³ См.: Смирнов С. С. В самой далекой стране. М., 1968. С. 24.
- ⁴⁴ См.: Алигер М. Возвращение в Чили. М., 1966. С. 185.
- ⁴⁵ Арсеньев А. Б. У излуины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 216.
- ⁴⁶ International Institute of Social History (IISH). Fund of N. Rubinstein. Folder 2.
- ⁴⁷ IISH. Fund of N. Rubinstein. Folder 3.
- ⁴⁸ IISH. Fund of N. Lazarewitch. Folder 1/2, 1/6.
- ⁴⁹ Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея, ф. 628, оп. 1, д. 3, л. 1.